

| 4 ГЕРОНТОЛОГИЯ —
НАУКА
О СТАРЕНИИ

| 32 ИСКУССТВА,
УТВЕРЖДАЮЩИЕ
ЖИЗНЬ

| 41 ГЕНЕТИЧЕСКАЯ
ТРАНСФОРМАЦИЯ
РАСТЕНИЙ

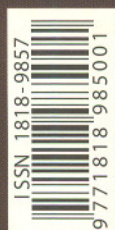
| 67 МНОГОЛИКИЙ
РИСК И ЕГО
МИНИМИЗАЦИЯ

НАУКА И ИННОВАЦИИ

научно-практический журнал

№ 8(78)_2009

КЛЮЧИ
ОТ СЕЙФА
ДОЛГОЛЕТИЯ

Валерий Байнев

профессор кафедры менеджмента
Белорусского государственного университета,
доктор экономических наук, профессор

Неоиндустриализация — приоритет перехода к инновационной экономике

Если риторика об инновациях сегодня у всех на устах, то роль промышленной политики в формировании инновационной экономики не только недооценивается, но и часто вообще упускается из виду. А зря, ведь промышленность — это та отрасль, где максимально сконцентрированы наукоемкие и высокотехнологичные производства, вобравшие в себя в виде базисных инноваций самые последние достижения научно-технической мысли. Иными словами, в нынешнюю технотронную эпоху уровень развития промышленности — главного потребителя технико-технологических новшеств — всецело определяет место страны в иерархии технологически развитых держав, а значит, ее шансы сохранить свой экономический и политический суверенитет в XXI в.

О тотальной деградации промышленного потенциала стран СНГ, лавинообразно нараставшей в лихие 90-е, их активном либерально-рыночном «оздоровлении» можно узнать из целого ряда публикаций [1, 2, 3]. Здесь же ограничимся лишь упоминанием о более чем 20-кратном (с 8 до 0,3%) снижении общей доли государств Содружества на мировом рынке наукоемкой и высокотехнологичной продукции, причем большинство из них (за исключением Беларуси и Казахстана) до сих пор не вышли на дореформенный уровень объема промышленного производства. При этом негативные тенденции в отрасли лишь нарастают. На их фоне 2–5-кратный рост доли сырья в экспорте стран СНГ, достигшей на рубеже веков значений от 57,5 (Украина) до 85% (Туркменистан) стоимости вывозимых за границу товаров, позволяет говорить не просто о деиндустриализации, а о рыночно-капиталистической примитивизации (некоторые ученые используют иной

термин — «заиризация») территории некогда промышленно развитой сверхдержавы. В то же время объем промышленного производства, например, в социалистическом Китае в период с 1990 по 2007 г. вырос в 9,1 раза (в Южной Корее — в 3,6, в Индии — в 2,8 раза). За последнее десятилетие XX в. доля сырья в китайском экспорте сократилась в 4 раза, производство наукоемкой продукции выросло в 27, а ее экспорт — в 31 раз. Иными словами, пока технологически развитые и догоняющие их страны ускоренно наращивают свой инновационно-промышленный потенциал, территория бывшего СССР неуклонно превращается в сырьевую провинцию Запада — в «технологическое захолустье» с населением, прочно прикованным к позорной для технотронной эпохи «сырьевой тачке».

Очевидно, что если Беларусь, Россия, Украина и другие страны Содружества желают остаться на политической карте мира в качестве самостоятельных государств, то они просто обязаны проводить активную промышленную политику. Мы убеждены, что курс на неоиндустриализацию должен быть объявлен главным стратегическим приоритетом формирования инновационной экономики и социально-экономического развития стран Союзного государства, ЕврАзЭС и СНГ в XXI в. К сожалению, в регионе существует ряд факторов, активно препятствующих становлению промышленности и лежащих в основе описанной выше деиндустриализации.

Во-первых, исключительно мощное разрушающее воздействие на промышленно-производственный сектор оказывает имплантированная нам из-за океана, изрядно обветшавшая, однако

безраздельно господствующая на постсоветском пространстве либерально-рыночная научно-образовательная экономическая парадигма. Ее фундаментальный недостаток заключается в том, что она до предела абсолютизирует сферу обмена (рынок) и тем самым игнорирует единство процесса расширенного воспроизводства, состоящего, как известно, из совокупности взаимосвязанных стадий «исследования и разработки — производство — обмен — распределение — потребление». Акцентируя внимание на максимизации рыночной прибыли в сфере обмена, в том числе за счет «выкачивания» средств из прочих перечисленных стадий, современная экономическая наука теоретически предопределяет и легитимизирует процесс их «обескровливания». Таким образом, наблюдаемая в годы рыночно-капиталистических реформ деградация научно-технического, промышленно-производственного потенциала стран бывшего СССР, а также вопиющая экономическая дифференциация их населения — это отнюдь не случайность, а вполне закономерные, поддающиеся теоретическому обоснованию процессы. Лидерство же нескольких технологически развитых держав, публично позиционирующих себя в качестве стран с либерально-рыночной экономикой, обеспечивается отнюдь не воспеваемой в экономикс с совершенной конкуренцией, а колоссальными размерами и могуществом их транснациональных корпораций (ТНК). Сегодня монополия сила западных мегакомпаний столь велика, что всерьез вести речь о рыночно-конкурентной среде могут либо наивные чудаки, либо лица, так или иначе заинтересованные в подчинении им национальных экономик. Вот почему из 257 имеющихся на планете стран, большинство которых вполне могут быть классифицированы как частнокапиталистические (несоциалистические), к числу технологически развитых можно причислить лишь два — от силы три десятка.

Разумеется, лидеры мировой экономики кровно заинтересованы в том, чтобы страны бывшего СССР — в недавнем прошлом главного конкурента Запада — шли по ложному пути либерально-рыночных реформ. Последние объективно дезинтегрируют, «атомизируют» их национальные экономики, делают их неконкурентоспособными перед лицом могучих западных ТНК, финансовое могущество которых зачастую в разы превосходит ВВП подавляющего большинства государств. Например, на долю 100 крупнейших американских корпораций приходится около 60% производимого валового национального продукта страны, 45% используемых трудовых ресурсов, более 60% осуществляемых инвестиций, 50% экспортно-импортных операций [4]. Сегодня западные мегакорпорации контролируют до 1/2 мирового промышленного производства, 2/3 международной торговли, около 4/5 мирового банка открытий, патентов, лицензий и технологий [5]. Это значит, что именно ТНК, а отнюдь не малые и средние предприятия являются подлинными «локомотивами» инновационной экономики.

Всемерно поощряемые и даже навязываемые Западом рыночные реформы подразумевают изгнание из экономики государства, главной интегрирующей экономики и общества силы. При этом на всем постсоветском пространстве выразители интересов между-

народных мегакорпораций, включая некоторых ангажированных или просто не до конца разобравшихся в ситуации отечественных ученых, методично тиражируют типовые рыночные мифы о «чудотворной» силе либерального рынка, малого предпринимательства и сферы услуг, якобы являющихся катализаторами научно-технического прогресса. Эксперты журнала «Экономист» убедительно доказали, что развитие флагманов мировой экономики происходит в основном благодаря крупной индустрии, а статистические данные о доле малых предприятий и сферы услуг в ВВП технологически продвинутых стран, якобы достигающей 70% и более, являются результатом банального статистического подлога [3]. Цель данной фальсификации проста для понимания. С ее помощью «просвещенный» Запад стремится направить своих конкурентов по пути дезинтегрирующих либерально-рыночных реформ и тем самым превратить их национальные экономики в своеобразный «бульон из экономического планктона», обреченный быть идеальной питательной средой для дальнейшего роста «китов мировой экономики» — ТНК.

Во-вторых, по мере перехода к рынку проявляется «эффект рыночной дискриминации промышленности» [6]. Суть последнего заключается в том, что, вопреки бытующему даже среди экономистов-профессионалов мнению, либеральный рынок создает принципиально неравные, изначально асимметричные конкурентные условия разным группам субъектов хозяйствования. В частности, известно, что из-за специфики реализуемых технологических процессов оборачиваемость оборотного капитала торгово-посреднических фирм оказывается в 5—10 раз выше, чем у промышленных предприятий. Так как каждый оборот оборотных средств приносит прибыль, то при всех прочих равных условиях (уровне инфляции, стоимости кредитных ресурсов, доле заемного капитала, норме прибыли) в итоге компании сферы обмена получают более существенные дивиденды, нежели производственные (табл. 1).

Поскольку в условиях дерегулирования экономики и те, и другие действуют на одинаковых условиях и предъявляют спрос на кредитные ресурсы на равных основаниях, то коммерческая бан-

Таблица 1. К описанию «эффекта рыночной дискриминации промышленности»

Субъект хозяйствования	Авансированный оборотный капитал, руб.	Длительность одного оборота оборотных средств, дней	Инфляция, % в год	Стоимость кредита, % в год	Удельный вес заемного капитала, %	Реальная выручка за 120 дней, руб.	Реальная прибыль за 120 дней, %
Промышленное предприятие	100,0	120	12	14	50	103,4	3,4
Торговая фирма	100,0	30	12	14	50	138,5	38,5

Источник: расчеты белорусского экономиста В.Т. Винника [2]

ковская система, ориентируясь на среднего кредитополучателя, устанавливает процентные ставки по кредитам на уровне, приемлемом для торгово-посреднических фирм, однако разорительным для производственных компаний. Не случайно на всем постсоветском пространстве стоимость кредитных ресурсов (15—30%) существенно превышает рентабельность объектов реального сектора экономики (5—10%), в то время как, например, в Японии ставка рефинансирования составляет символические 0,1% годовых. В итоге промышленный сектор стран ЕвразЭС и СНГ без доступных по цене кредитных ресурсов не имеет средств для технико-технологической модернизации, теряет конкурентоспособность и разрушается. По нашим расчетам, «эффект рыночной дискриминации промышленности» может быть компенсирован в том случае, если стоимость кредитов для нее будет в 5—8 раз ниже, чем для торгово-посреднических структур. Кроме того, наряду с льготным кредитованием инновационных предприятий в технологически развитых странах с целью их стимулирования активно используются существенные налоговые преференции в совокупном объеме до 1,5% ВВП.

Еще одним важным аспектом «эффекта рыночной дискриминации промышленности» является неравенство в доступе к иностранной валюте. Так, немногие отечественные предприятия, выходя на внешние рынки с результатами своего интеллектуального труда, выдерживают острую конкуренцию с зарубежными фирмами и в поте лица зарабатывают драгоценную валюту. Однако далее она расходится через «обменники» либеральной банковской системы и, благодаря тому же малому и среднему бизнесу, индивидуальным предпринимателям и гражданам-туристам, массово инвестируется в экономику технологически развитых стран. Поскольку прибыль в сфере обмена гораздо выше (табл. 1), торгово-посреднические фирмы имеют возможность приобретать иностранную валюту по менее выгодному курсу, чем предприятия реального сектора экономики. Это значит, что столь необходимая для технико-технологической модернизации производства валюта бездарно расходуется посредниками на ввоз в страну поддержанных авто, бытового ширпотреба и прочих пищевых и непивцевых суррогатов. Получается, что одни, выходя на внешние рынки со своей продукцией, зарабатывают валюту, а другие, вообще ничего не предлагая внешним потребителям, ее только тратят и выходят на отечественные рынки с результатами чужого труда и интеллекта, не прилагая к тому ни особого ума, ни сил. А ведь по примеру стран, совершивших в свое время технико-технологический прорыв (Япония, Германия, Китай, Корея и др.), расходование иностранной валюты должно быть сконцентрировано на обновлении производства и создании (покупке) новых технологий. С учетом этого становится понятно, почему Запад так озабочен развитием в странах СНГ малого бизнеса и индивидуального предпринимательства.

В-третьих, самым мощным, системно действующим фактором деиндустриализации является крайне неэффективная монетарная политика, реализуемая в странах бывшего СССР [1, 2]. Главные признаки ее неэффективности — кратные отклонения базовых параметров функционирования кредитно-денежной сферы от

общепринятых в цивилизованном мире значений. К числу таких параметров следует причислить уровень обеспеченности экономики национальной денежной массой, обменный курс национальной валюты, а также стоимость кредитных ресурсов, о чем уже говорилось выше. В частности, во всех подверженных деиндустриализации странах, включая Россию, Украину и Беларусь, коэффициент монетизации экономики — отношение денежного агрегата M2 и ВВП — не превышает 30%, хотя, по мнению специалистов, его оптимальным значением признана величина 60% и более, пороговым — 50%, а критическим — не менее 30% [7]. Разумеется, в государствах-лидерах коэффициент монетизации экономики всегда больше оптимальной величины, а в странах, демонстрирующих догоняющее развитие, существенно выше ее (в Китае в 2008 г. он был равен 180%, в то время как в Беларуси — лишь около 20%).

Хроническая демонетизация экономики стран бывшего СССР в полном соответствии с общеизвестной формулой количественной теории денег приводит к масштабному «выдавливанию» дефицитной денежной массы из сфер с малой скоростью обращения капитала в те секторы национальной экономики, где эта скорость существенно выше (рис. 1). Кроме того, искусственно созданный под благовидным предлогом борьбы с инфляцией дефицит национальных денежных знаков обеспечивает предпосылки для масштабной долларизации экономики, разрушительного для промышленности кризиса неплатежей, спекуляции кредитными ресурсами в паразитарной банковской системе. В результате происходит масштабное «вымывание» оборотных средств (и соответственно, угнетение, банкротство) промышленных, прежде всего инновационных, предприятий в пользу торгово-посреднических спекулятивных структур, включая банковско-финансовый сектор.

Таким образом, демонетизация экономики, реализуемая по монетаристским рецептам Вашингтонского консенсуса, является одним из ключевых факторов деиндустриализации стран ЕвразЭС и СНГ. В свою очередь сокращение производства в промышленности ведет к росту цен на ее продукцию, а значит, провоцирует инфляцию. Как отмечает крупный хозяйственник, мэр российской столицы Ю.М. Лужков, «сколько бы ни пытались монетаристы-финансисты читать нам талмудические лекции, но главной при-

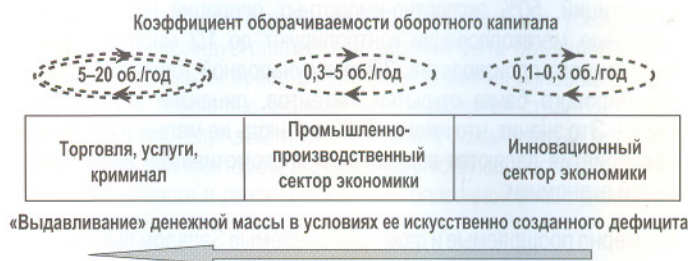

Рис. 1. Перераспределение финансовых ресурсов между секторами экономики в условиях искусственной демонетизации экономики

Таблица 2. Соотношение официального и определяемого ППС (справедливого) обменных курсов национальной валюты по отношению к доллару США в некоторых странах в 2008 г.

Страна	ВВП по официальному обмену курсу национальной валюты, млрд долл.	ВВП по ППС, млрд долл.	Соотношение официального обменного курса национальной валюты и курса, определяемого ППС (m), разы	Масштаб занижения официального обменного курса национальной валюты относительно справедливого курса, определяемого ППС ($k=1/m$), разы
<i>Страны «Большой семерки»</i>				
США	14195,03	14195,03	1,00	1,00
Япония	4866,92	4438,70	1,10	0,91
Германия	3653,37	2906,42	1,26	0,80
Франция	2843,13	2116,61	1,34	0,74
Великобритания	2833,22	2215,90	1,28	0,78
Италия	2330,01	1826,89	1,28	0,78
Канада	1571,07	1398,31	1,20	0,83
<i>Другие наиболее развитые страны мира</i>				
Испания	1622,51	1403,79	1,16	0,87
Нидерланды	862,90	666,36	1,29	0,77
Швеция	502,53	348,19	1,44	0,69
Швейцария	472,50	310,34	1,52	0,65
Финляндия	273,02	191,81	1,42	0,70
Португалия	248,84	238,24	1,04	0,96
<i>«Новые члены» Евросоюза</i>				
Польша	450,58	664,55	0,68	1,47
Чехия	211,70	264,69	0,80	1,25
Венгрия	155,15	198,68	0,78	1,28
Словения	53,26	58,06	0,92	1,09
<i>Страны ЕвразЭС</i>				
Россия	1698,65	2274,58	0,75	1,34
Казахстан	133,73	179,54	0,74	1,35
Беларусь	53,26	115,03	0,46	2,16
Узбекистан	26,33	70,67	0,37	2,68
Кыргызстан	4,76	11,46	0,42	2,41
Таджикистан	4,11	12,55	0,33	3,05
<i>Страны «третьего мира»</i>				
Танзания	19,84	53,80	0,37	2,71
Мьянма	13,03	63,77	0,21	4,86
Мозамбик	8,38	18,58	0,45	2,22
Руанда	3,78	9,13	0,41	2,42
Кирибати	0,07	0,37	0,19	5,28

Источник: рассчитано автором с использованием интернет-ресурсов Всемирного банка и глобальной статистики: <http://siteresources.worldbank.org> и <http://www.econstats.com>

чиной высокой инфляции у нас был и остается недостаток денег в экономике, финансовый голод национального производителя, инфляция издержек, а не спроса. При огромных доходах государства субъекты экономики многие годы находились в условиях острейшего денежного дефицита» [8].

Другим системным фактором разрушения промышленного потенциала является девальвация национальных денежных единиц на постсоветском пространстве, обеспечивающая их недооценку по отношению к мировым валютам. Сделанные автором расчеты показывают, что во всех государствах СНГ, равно как и в странах «третьего мира», официальный обменный курс национальных денежных единиц в 1,5–3 раза ниже справедливого, определяемого паритетом покупательной способности (ППС) курса (табл. 2). Так называемым «новым членам» ЕС по мере их интеграции с Западом разрешено постепенно приблизиться к заветному рубрежу $k=1$.

Кстати, наши расчеты с точностью до 5% совпадают с аналогичными оценками специалистов Всемирного банка, МВФ, Евростата и др., которые с 1993 г. активно используют ППС для осуществления международных сопоставлений [9]. При этом под ППС понимается соотношение между двумя денежными единицами, устанавливаемое по их реальной покупательной способности применительно к конкретному набору товаров и услуг. В частности, для базового (точного) расчета ППС в качестве такого набора (назовем его корзиной эквивалентных благ) использовалось 2956 продуктов, из которых 1410 приходилось на потребительские товары и услуги, а остальные 1546 — на производственные товары длительного пользования, включая машины и оборудование. Для ежемесячной корректировки ППС применяется «облегченная» корзина эквивалентных благ, включающая в себя набор из 92 товаров и услуг [10].

Флагманы мировой экономики, наоборот, традиционно поддерживают официальные обменные курсы своих национальных валют несколько выше ППС (табл. 2), что приводит к ситуации неэквивалентного обмена в международной торговле. И действительно, девальвация, усугубляющая масштабы и без того внушительной недооценки национальных валют развивающихся стран, однозначно ведет к тому, что продукция последних в «глобальном центре» продается в k раз дешевле их справедливой цены, а товары ТНК на «периферии» — во столько же раз дороже ее. Это явление есть не что иное, как экспорт инфляции из «глобального центра» в «глубинку» (из метрополий в колонии). Иными словами, благодаря периодически навязываемой отсталым странам девальвации их национальных денежных единиц Запад экспортирует к нам сгенерированную в результате безудержной работы американского печатного станка инфляцию. Мы же затем ее покорно утилизируем, например, повышая цены на товары первой необходимости для населения. Кстати, из табл. 2 хорошо видно, какие страны экспортируют вовне инфляцию и прочие негативные эффекты своей хозяйственной деятельности ($k<1$), а кто их нейтрализует ($k>1$).

Наряду с экспортом инфляции искусственная недооценка национальных денежных единиц — это едва ли не главный фактор раз-

рушения промышленного потенциала страны. Данное явление подробно описано [1, 2]. Здесь укажем лишь на то, что белорусские производственные предприятия вынуждены приобретать ресурсы на внешних рынках по мировым (высоким) ценам и к тому же за кратно переоцененную иностранную валюту. А вот реализацию своей продукции они осуществляют на внутреннем рынке отечественным потребителям с их сравнительно невысокой заработной платой по внутренним (низким) ценам. В результате нередко получается так, что стоимость одного только сырья превосходит ту цену, по которой возможно продать изготовленный из него товар внутреннему потребителю. Нетрудно сообразить, что даже экспортноориентированные предприятия (разумеется, за исключением все тех же посредников) не имеют никаких экономических выгод от девальвации, а всего лишь сохраняют статус-кво своей хозяйственной эффективности. Однако на фоне тотальной деградации промышленного сектора, ориентированного на внутренний рынок, создается иллюзия роста их конкурентных преимуществ от девальвации.

С учетом изложенного стратегический курс на неоиндустриализацию стран Союзного государства, ЕврАзЭС и СНГ должен предусматривать:

- устранение вопиющих отклонений базовых параметров функционирования их монетарной сферы от общепринятых в технологически развитых странах значений. Здесь имеется в виду необходимость доведения (кратного увеличения) коэффициента монетизации экономики до 60% и более, а обменного курса национальных денежных единиц до справедливой, определяемой ППС, величины. Без этого любое повышение эффективности и обновление нашего производства будет неизменно оборачиваться всего лишь ростом благосостояния в странах — эмитентах мировых валют;
- осуществление специальной кредитно-денежной и налоговой политики, стимулирующей инновационное развитие промышленности, в том числе обеспечение доступа к дешевым (1—5%) целевым кредитным ресурсам крупных инновационных предприятий, а также предоставление им существенных налоговых льгот. В рамках специальной валютной политики целесообразно ввести жесткие ограничения на внутреннее конвертирование иностранной валюты, преимущественный доступ к которой должны иметь те субъекты хозяйствования, прежде всего крупные промышленные предприятия, которые способны ее зарабатывать своим трудом на внешних рынках. При этом речь идет не о создании им искусственных конкурентных преимуществ, а всего лишь о компенсации описанного выше «эффекта рыночной дискриминации промышленности» в полном соответствии с западной демократической традицией обеспечения равенства возможностей на рынке всем его участникам;
- ориентация на всемерное развитие и государственный патронаж крупных и сверхкрупных вертикально интегрированных государственных и государственно-корпоративных структур, объединяющих в себе все стадии переработки сырья, начиная с его добычи и завершая организованным сбытом конечной продукции. Только такие компании хоть что-то могут противопоставить в конкурентной борьбе западным ТНК;

- решительная смена господствующей научно-образовательной экономической парадигмы, до предела уничижающей созидательный труд и абсолютизирующей «труд» бесчисленных рыночных менял — торговца-спекулянта, ростовщика-банкира и биржевого игрока. Нынешняя система экономических знаний, абсолютизируя сферу обмена, создает все необходимые предпосылки для «виртуализации» экономики, отрыва ее бумажно-финансового сектора от сферы производства реальных благ, что является главным условием выдувания глобальных финансовых «пузырей» и, соответственно, возникновения мировых экономических кризисов. Сегодня как никогда необходим возврат экономической науки на трудовую основу.

Поэтому в основу функционирования хозяйственной системы должно быть положено государственное регулирование промышленно-производственной сферы, связанное с ее стимулированием в рамках валютной, кредитной, налоговой, таможенной, торговой политики. Всестороннее поощрение реального сектора экономики и поддержка отечественного товаропроизводителя вплоть до мер политического воздействия на зарубежных контрагентов, социальная ориентация экономики и уважение к человеку труда — вот главные принципы, способные значительно ускорить становление в Беларуси эффективной национальной инновационной системы.

Литература

1. Байнев В.Ф. Монетарные факторы деиндустриализации / В.Ф. Байнев // Экономист. 2009, №4. С. 35—46.
2. Байнев В.Ф. Социально-экономическое развитие и «ловушки» рыночного либерализма: курс на неоиндустриализацию: монография / В.Ф. Байнев, В.Т. Винник; под общ. и науч. ред. В.Ф. Байнев. — Мн., 2009.
3. Губанов С.С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) / С.С. Губанов // Экономист. 2008, №9. С. 3—27.
4. Смирнов А. Государственно-корпоративный сектор и его развитие / А. Смирнов // Экономист. 2008, №1. С. 3—14.
5. Лемещенко П.С. Новая экономика: онтологические изменения и теоретические начала / П.С. Лемещенко // Новая экономика. 2007, №9—10. С. 3—21.
6. Государственное регулирование экономики и повышение эффективности деятельности субъектов хозяйствования: Пятая Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 23—24.04.2009 г.): Сб. науч. статей. В 2 ч. Ч. 1. — Мн., 2009.
7. Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития: Матер. V Междунар. науч. конф. (г. Минск, 21—22.10.2004 г.). В 5 т. Т. 1. — Мн., 2004.
8. Лужков Ю. Российские особенности мирового кризиса / Ю. Лужков // Российская газета. 02.02.2009 г.
9. <http://siteresources.worldbank.org> и <http://www.econstats.com>.
10. Пелих С.А. Проблемы денежно-кредитных отношений: Сб. науч. трудов / С.А. Пелих. — Мн., 2007.